

публикует Каргер, и что сравнительная примитивность последних объясняется в значительной мере случайным характером построек, на которые до сих пор натолкнулась лопата археолога.

В заключение краткого разбора книги Каргера, очень ценной и представляющей собой весьма значительный вклад в историю русской архитектуры древнейшего периода, позволю себе высказать мнение, что именно от него можно ждать обобщающего исследования памятников архитектуры эпохи Киевского государства и периода феодальной раздробленности. Это исследование должно быть основано на углубленном изучении архитектуры по существу. Оно не может ограничиваться только сухой констатацией фактов, но призвано дать главным образом научную интерпретацию этих фактов, углубленный марксистский анализ архитектурных произведений в связи с общим процессом развития архитектуры Киева X—XIII вв.

*Н. И. Брунов*

### **М. Я. СЮЗЮМОВ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ЗРЕЛИЩ В ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV в.**

**Ученые записки Уральского Государственного университета им. А. М. Горького.  
Вып. 11, 1952, стр. 84—134.**

В рассматриваемой работе автор ставит перед собой задачи: выяснить, каким образом сложились партии венетов и прасинов, показать борьбу, происходившую вокруг зрелищ, проследить развитие классовой борьбы в византийском городе в IV в. и ее связь с борьбой так называемых цирковых партий, зрелищами и ипподромом. Вопросы эти, исключительно важные для истории ранневизантийского города, до сих пор не нашли еще должного освещения в трудах советских ученых. Поэтому появление исследований, направленных на освещение этих проблем, советские византиноведы могут только приветствовать. К сожалению, настоящая работа М. Я. Сюзюмова, автора ряда весьма ценных исследований по истории византийского города, не лишена ряда недостатков.

Крупнейшим ее недостатком является то, что автор совершенно не использовал произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В частности, это сказалось в недооценке автором роли и размаха сепаратистских тенденций в провинциях, в недооценке борьбы племен и народностей, входивших в состав империи, против греко-римской господствующей верхушки.

Рассматривая положение различных классов в городе, автор приходит к выводу, что рабы в городе IV в. принимали незначительное участие в классовой борьбе: «Профессионально и в бытовом отношении раздробленные, разобщенные, частично развращенные на положении праздной челяди, рабы больших городов-эмпорий мало оказали пользы революции рабов»<sup>1</sup>. Свободные же, подвергавшиеся эксплуатации, по мнению М. Я. Сюзюмова, не вели классовой борьбы; они «хоть и были заинтересованы в падении рабовладельческого строя, но было бы неисторичным полагать, чтобы городские массы могли это осознавать» (стр. 27). Поэтому автор в конце работы приходит к выводу, что «возникающие иногда порывами выступления обездоленных масс города... против городской верхушки

<sup>1</sup> М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в., стр. 128—129.

и правительства... не являлись основной борьбой того времени, т. е. не были революционными движениями против рабовладельческой империи» (стр. 133). Таким образом, классовую борьбу в городе, по мнению М. Я. Сюзюмова, ведут только рабы и притом в незначительных размерах, а так как число рабов по мере разложения рабовладельческого строя сокращалось, то автор неизбежно приходит к положению о смягчении классовой борьбы в период усиления кризиса рабовладельческой системы.

Вполне естественно, что, не видя классовой борьбы между свободными богатыми и свободными бедными, эксплуатируемыми, автор старательно обосновывает мнимое единство интересов эксплуататоров с интересами эксплуатируемых. Он считает, что именно городские низы боролись за сохранение рабовладельческого строя. Без поддержки многочисленного люмпен-пролетариата, по его мнению, вряд ли могла сохранить власть небольшая по численности рабовладельческая знать (стр. 106; ср. ниже, стр. 566).

Очевидно, в таком случае господствующий класс должен был бы всячески заботиться о своих «спасителях», и автор старательно доказывает, что богатые и знатные доходили до разорения, лишь бы найти поддержку у городского плебса. Он пишет о том, что Константин I специально населял Константинополь люмпен-пролетариями, чтобы иметь в них опору (стр. 104). К такому выводу автор пришел потому, что он использовал только указание враждебно настроенного по отношению к Константину I Евнапия и не привлек данные других многочисленных источников, которые совершенно определенно свидетельствуют о росте населения городов за счет притока жителей из сельских местностей, независимо от желания тех или иных императоров.

Вполне понятно, что при такой постановке вопроса трудно говорить о какой-либо классовой борьбе в городе IV—V вв. Поэтому и вывод автора (в конце раздела «Обострение классовой борьбы в городах в IV в.») о том, что «атмосфера классовой борьбы в городе в IV в. раскалилась» (стр. 103), ни в коей мере не вытекает из содержания всего раздела.

В освещении М. Я. Сюзюмова борьба на ипподроме и вокруг зрелищ — это борьба только между различными группировками господствующего класса, а сам ипподром, по М. Я. Сюзюмову, — лишь центр сплочения сил рабовладельческой реакции (стр. 134). Поэтому в заключительной части работы автор приходит к общему выводу о том, что социальная борьба в восточно-римском городе IV в. н. э., т. е. в период кризиса рабовладельческого строя, по существу ничем не отличается от социальной борьбы, происходившей в греческом городе IV в. до н. э., т. е. в городе периода расцвета рабовладельческого строя (стр. 133—134). Между тем в советской исторической науке уже давно установлено, что период IV—VII вв. н. э. — период обострения классовой борьбы в городах Восточно-Римской империи, что города в этот период становятся своеобразными центрами классовой борьбы.

В. И. Ленин писал: «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов...»<sup>1</sup>

Автор недостаточно учел это требование марксизма, поверхностно проанализировал положение различных классов и слоев городского населения и их роль в классовой борьбе того времени.

Так, говоря о рабах в городе, признавая классовой борьбой только борьбу рабов, М. Я. Сюзюмов по существу приходит к отрицанию

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 24.

участия и городских рабов в классовой борьбе. Это получилось потому, что автор рассматривал всех рабов как рабов-прислужников, как домашнюю челядь, а между тем они составляли вряд ли более половины общего числа рабов в городе. Другую же половину составляли рабы, занятые в производстве, положение которых было исключительно тяжелым. Византийские авторы, в том числе и Либаний, нередко сообщают о случаях бегства этих рабов. Как известно, в течение IV в. неоднократно издавались законы, сурово каравшие как беглых рабов-ремесленников, так и их укрывателей<sup>1</sup>. Только между 372 и 380 гг. было издано четыре таких закона.

Предлагаемая М. Я. Сюзюмовым оценка роли рабов в городе IV в. является тем более странной, что в своих предыдущих работах, в частности в последней — «Ремесло и торговля в Константинополе в X в.», он считал одной из важнейших особенностей византийского ремесла значительную роль в нем рабов<sup>2</sup>.

Нам представляется совершенно необоснованной попытка автора полностью отрицать участие рабов в городских движениях (стр. 106, 134). Советские историки, в частности Н. В. Пигулевская, установили факты участия рабов в городских восстаниях. Автор явно переоценивает (стр. 128) возможность освобождения раба путем угодничества перед своим господином (стр. 128). Подобное средство освобождения от рабского состояния можно рассматривать лишь как случайное; к тому же оно не засвидетельствовано источниками.

Для обозначения народных масс города автор употребляет тринадцать различных терминов; это мешает понять, о каком же классе или прослойке идет речь. Что следует понимать, например, под терминами «масса», «общественность», «простолудин»? Вообще нечеткость и расплывчатость терминологии является одним из серьезных недостатков рецензируемой работы.

Рассматривая положение народных масс города, М. Я. Сюзюмов фактически упускает из виду мелких свободных производителей. Он постоянно отмечает, что труд рабов стал невыгоден, что применение рабского труда сокращалось, но ничего не говорит о положении и роли тех, кто «заменил» этих рабов — т. е. свободных наемных работников и мелких свободных производителей, число которых росло по мере сокращения числа рабов (стр. 102). Между тем пример, который автор приводит из Либания, — наряду с многими другими, — показывает, что эти свободные ремесленники и мелкие торговцы нередко живут хуже, чем рабы (стр. 102). М. Я. Сюзюмов пишет о «трудящихся слоях», указывает, что все более усиливались эксплуатация и закрепощение ремесленников. И тем не менее, несмотря на весь обильный материал, доказывающий, что именно эти слои народных масс вели в IV в. ожесточенную борьбу против эксплуататоров, автор отрицает их участие, их руководящую роль в восстаниях народных масс города уже в IV в.

М. Я. Сюзюмов, стараясь обосновать заведомо неверные положения, впадает в противоречия с самим собой, приводит данные источников, опровергающие его концепцию. Так, он, совершенно правильно оценивая материал, имеющийся у Либания, пишет: «у Либания читаем не о волнениях рабов на производстве, а о безрассудстве нанявшихся против своих нанимателей» (стр. 102). На выводах автора, несомненно, сказалось то, что он

<sup>1</sup> Cod. Theod., XIV, 7, 11, XIV, 2, 14.

<sup>2</sup> М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в X в. ВВ, т. IV, 1951, стр. 13.

не полностью использовал данные даже Либания, не говоря уже о сообщениях других источников. Между тем внимательный анализ более широкого круга источников, относящихся к IV в., дает возможность считать бесспорным, что в IV в. классовая и политическая борьба в городах Восточно-Римской империи продолжала обостряться и усиливаться. Византийские писатели сообщают о многочисленных волнениях и восстаниях, которые возникали отнюдь не «без повода со стороны и без достаточных оснований» [Аммиан Марцеллин]<sup>1</sup>. Либаний считал эти восстания неизбежным злом: «Природе городов, — говорил он, — дано грешить этими эксцессами, и мы удивляемся не тому, что они есть, а тому, если их нет»<sup>2</sup>. Причем он указывал, что эти «эксцессы» — характерное явление не только для крупных, но и для мелких городов. Источники сообщают о многочисленных волнениях в Антиохии, Александрии, Константинополе, Каппадокии, Берите, Эдессе. Волнения происходили в Риме, причем так часто, что, по сообщению Марцеллина, один из префектов города не имел даже никакой возможности спасти свою жизнь<sup>3</sup>, а его преемников измучили частые и кровавые бунты<sup>4</sup>. Гнев народных низов чаще всего обращался против представителей императорской власти, против правителей городов, которым приходилось нередко платить своей жизнью. Так, в Антиохии правитель Феофил был убит на ипподроме пятью кузнецами. И Либаний и Марцеллин сообщают, что такие случаи неоднократно имели место. Аммиан Марцеллин нередко описывал «неправый гнев на правителей и смерть их, влачимых за ноги»<sup>5</sup>. Либаний, с ужасом писавший об этих волнениях, восклицает: «сколько правителей городов было растерзано своими подчиненными!»<sup>6</sup>

Рост волнений и восстаний в городах в IV в. ставил перед правящим классом весьма остро вопрос о способах их предотвращения. С этой целью Либаний дает императору целый ряд советов<sup>7</sup>. В случае значительного волнения он предлагает даже пойти на некоторые временные уступки: «Но, когда кипит столь сильный гнев и ожидаются его последствия, мы, может быть, удовлетворим демона, если сами кое-что сократим в наших удовольствиях»<sup>8</sup>.

К сожалению, М. Я. Сюзюмов прошел мимо этого весьма ценного материала. Точно так же он не изучил двух восстаний в Антиохии во второй половине IV в., описанных Либанием. Известия Либания в данном случае являются особенно ценными потому, что у нас нет более подробных описаний волнений или восстаний в городах IV в. Анализ этих данных показывает, что восстания, о которых пишет Либаний, — это восстания городских низов против господствующего класса. Причем сам Либаний подчеркивает участие в этих восстаниях в первую очередь ремесленников<sup>9</sup>. Он говорит о том, что ремесленники постоянно устраивают «смуты и беспорядок в мастерских»<sup>10</sup>. И в первом, и во втором восстании народные низы Антиохии выступали против городской

<sup>1</sup> Ammiani Marcellini. *Rerum gestarum libri qui supersunt. Rec...* Bardthausen. Lipsiae, 1874.

<sup>2</sup> Lib. Orat., XIX, 14. Libanii Opera, ed. R. Foerster. Lipsiae, 1903.

<sup>3</sup> Amm. Marc. Op. cit., XIX, 10. 2.

<sup>4</sup> Ibid., XXVII, 3. 3.

<sup>5</sup> Ibid., XIV, 7. 26.

<sup>6</sup> Lib. Orat., XXV, 54.

<sup>7</sup> Ibid., XXVII, 9 и 18.

<sup>8</sup> Ibid., XVI, 43.

<sup>9</sup> Ibid., XXV, 8.

<sup>10</sup> Ibid., XXII, 7.

верхушки, подвергали разгрому и поджигали дома богатых, убивали наиболее ненавистных представителей господствующего класса.

М. Я. Сюзюмов не видит всего этого и поэтому безосновательно утверждает, что «единственной опорой рабовладельческого строя было городское свободное население» (стр. 99); по его мнению, «ремесленники не могли выступать против основ государственности», их выступления могли быть направлены только «против злоупотреблений и нарушений законности того времени» (стр. 100).

М. Я. Сюзюмов заявляет, что трудно провести грань между свободными наемными работниками и люмпен-пролетариями (стр. 99). Он считает, что мелкие свободные производители, как собственники средств производства, примыкали к господствующему классу, а наемные — к люмпен-пролетариату, что плебс, *δημος* — городские низы — состоял в основном из люмпен-пролетариев. Plebs, с точки зрения М. Я. Сюзюмова, — это люмпен-пролетариат; именно в этом понимании, полагает автор, термин Plebs urbana имеет наиболее четкий классовый смысл (стр. 90). Автор упорно проводит это узкое и одностороннее толкование слова *δημος* через всю работу, строя на нем ряд дополнительных выводов, однако материал источников, приводимый им на стр. 90—92, явно противоречит такому узкому определению понятия *δημος*. Основную массу городского плебса составляли, несомненно, ремесленники и поденщики. Кодекс Феодосия делит население города на куриалов, торговцев и плебеев<sup>1</sup>. Очевидно, слово «плебс» в этом законе охватывает все городские низы, а не только люмпен-пролетариат. Данные, встречающиеся у более поздних авторов, в частности у Прокопия, также говорят о том, что под плебсом мы должны в первую очередь подразумевать производительное население города — трудовые низы города. Так, Прокопий пишет, что Велизарий не отказался дать римским плебем оружие, хотя они, будучи простыми ремесленниками, не имели воинского опыта<sup>2</sup>.

В результате недооценки роли городских производителей в классовой борьбе IV в. единственной реальной силой в городе этого времени М. Я. Сюзюмов считает многочисленный, по его мнению, люмпен-пролетариат.

Как мы уже отмечали, М. Я. Сюзюмов доказывает, что судьба рабовладельческого общества зависела от люмпен-пролетариата (стр. 106). Естественно, что, отстаивая такую неверную точку зрения, автор и здесь противоречит сам себе. В одном месте он говорит, что люмпен-пролетариат «заинтересован был поддержать рабовладельческий строй» (стр. 106), в другом, — что люмпен-пролетариат поддерживал «варваров», так как ему «нечего было терять» и он мог принять участие в грабежах во время захвата городов «варварами» (стр. 110), в третьем, — что участь рабовладельческого строя зависела от того, примкнет ли люмпен-пролетариат к восстаниям рабов (стр. 100). Ниже автор пишет, что существование люмпен-пролетариата подрывало основы рабовладельческого общества (стр. 125). Борьба между партиями, по мнению М. Я. Сюзюмова, также шла в основном за влияние на люмпен-пролетариат, который был «наиболее активным элементом во всех волнениях» (стр. 117). Ясно, что эти положения автора не могут считаться обоснованными. Не следует забывать и о том, что, во-первых, кризис рабовладельческого общества привел к резкому сокращению люмпен-пролетариата, и, во-вторых, что в восточных провинциях люмпен-пролетариат составлял значительно меньшую долю городского населения, чем, например, в Риме.

<sup>1</sup> Cod. Theod., 16, 5, 52.

<sup>2</sup> Procopii Caesariensis. De bello Gothico, I, 25 (ed. J. Haury. Lipsiae, 1905).

Отнесшись некритически к высказываниям Либания (речь 46, 17), автор переоценивает роль артистов и «ловких людей» в политической жизни восточно-римского города в IV в. Он пишет: «Артисты должны были выступать с политическими требованиями, выражая интересы и настроения своих поклонников. В результате артисты буквально терроризовали правителей городов. Они могли настроить население на бунт, могли направить толпу на поджог домов правителей, на побивание камнями неугодных лиц» (стр. 115). Приводимые автором на стр. 116 примеры не позволяют делать такие крайние выводы. Можно говорить о влиянии артистов на их «поклонников», но не на все население города. Как известно, когда в Антиохии начались волнения, народные низы, собравшись на ипподроме, согноли со сцены артистов, о чем, кстати, упоминает и сам М. Я. Сюзюмов (стр. 124). То же можно сказать и о «ловких людях», которые были проводниками интересов той или иной группы господствующего класса. Как известно, в антиохийской курии существовали такие враждующие друг с другом группы. Либаний прямо говорит о «Евбуле и его партии в курии»<sup>1</sup>. Поэтому совершенно непонятно и необоснованно утверждение автора о том, что «требования этих „ловких людей“ сводились к разорению местных богачей и удовлетворению низов». Необоснованность этого (стр. 113) положения выступает с тем большей очевидностью, что на стр. 131 «ловкие люди» выступают у самого автора как орудие правительства; на стр. 113 он пишет о них как о «проводниках интересов определенной прослойки» господствующего класса.

Также довольно трудно согласиться с суждением автора относительно роли «ловких людей» как политического «актива», «организующего массы». Здесь приходится говорить не столько о том, что эти «ловкие люди», как пишет автор, обрабатывали и дисциплинировали массы, сколько об интересах самих зрителей. Нельзя согласиться и с утверждением автора, что под влиянием артистов и «ловких людей» «плебейские массы сделались сознательнее» (стр. 116).

М. Я. Сюзюмов явно переоценивает роль и размах демагогии, к которой прибегали представители правящих классов в целях сохранения своего господства. По М. Я. Сюзюмову, получается, что правители ради самосохранения и привлечения народных масс на свою сторону выполняли их волю, снижали цены, стремились показать себя сострадательными к рабам и т. д. (при этом слова Либания о мягком отношении комита Икария к рабам автор почему-то переносит на остальных правителей).

Все эти принципиальные положения автора являются составной частью его общей концепции о сугубо реакционной роли города и объективно реакционном характере выступлений народных масс в городах Восточно-Римской рабовладельческой империи — концепции, в которой город выступает как бы незатронутым кризисом рабовладельческой системы. Недооценивая роль народных масс, автор в то же время, для подтверждения своей точки зрения, стремится показать, что и рабы в городе, видя якобы беспомощность и бесцельность своей борьбы, старались освободиться путем угодничества перед своими господами и т. д., т. е. что значение борьбы рабов в городах было ничтожно. Фактически эта концепция, не имеющая под собой серьезной аргументации, — ибо основные вопросы истории ранневизантийского города разработаны еще слабо, — приводит к отказу от изучения процесса развития и обострения классовой борьбы в городе в период кризиса рабовладельческой системы — борьбы, которая, несомненно, подрывала основы рабовладельческого строя.

<sup>1</sup> Либаний. О собственной доле, 116.

Переходим к более частным недостаткам рецензируемой работы. Неверно, что курия во времена Либания состояла только из потомственных декурионов. Либаний, обосновывая права Талассия на включение его в состав курии, говорит, что один из членов — сын колбасника, другой — сын валяльщика шерсти, третий — сын ремесленника. У нас нет оснований категорически утверждать, что богатых ремесленников не допускали в курию.

Не совсем верно оценивает автор борьбу alexandрийских патриархов против Константинополя, а также деятельность патриарха Кирилла. Как известно, население Александрии, в том числе димы, поддерживали Ореста. Таким образом, он опирался не только на местное еврейское купечество, но и на трудовые низы города. Кирилла же поддерживала греко-римская верхушка, тесно связанная с Константинополем, и часть христиан.

М. Я. Сюзюмов переоценивает также и роль Иоанна Златоуста в политической борьбе в Константинополе: «Иоанн Златоуст, — пишет он, — сделал возможным и события 12 июля 400 г.» (стр. 130).

Трудно допустить, что зрелище и борьба вокруг них были непонятны рабам и колонам (стр. 133, 134). Рабы и колоны посещали зрелища, о чем неоднократно упоминает и сам автор. Поэтому вряд ли правильно его утверждение о том, что борьба вокруг зрелищ «отрывала город от восставших рабов» (стр. 134).

Нельзя согласиться с утверждением автора, что опорой рабовладельческого строя была только самая богатая верхушка городской знати в больших богатых городах (стр. 101), как неверно и другое положение автора, противоречащее этому, именно, что единственной опорой рабовладельческого строя было всё свободное население городов (стр. 107, 109). Несомненно, что опорой рабовладельческого строя была и рабовладельческая знать и богатая верхушка *ordo plebeius*, но отнюдь не все свободное население города и не только верхушка городской знати в больших городах.

Весьма бездоказательно звучит утверждение М. Я. Сюзюмова, что небольшие города не были опорой рабовладельческого строя (стр. 95). Вряд ли можно судить о количестве служащих при цирке, исходя из того, что клир храма Софии превышал тысячу человек (стр. 95). Как известно, ипподром мог вместить около 30 тыс. зрителей<sup>1</sup>. Очевидно, было бы более правильным говорить (так как мы не имеем других данных), что для обслуживания такого огромного цирка и такого количества зрителей требовалось очень значительное количество артистов, наездников, мимов, зрителей за животными, конюхов и прочих прислужников.

Автор неверно толкует известие Псевдо-Кодина о том, что на работы по постройке стен был привлечен штат цирка в 8 тыс. человек (стр. 95). Как известно, партии цирка и штат цирка — понятия далеко не идентичные. До сих пор партии цирка рассматривались как политические партии господствующего класса, сложившиеся вокруг цирка, который являлся центром политической жизни города; партии цирка никогда не отождествлялись со штатом цирка, состоявшего из плясунов, артистов, прислужников и т. д. Произвести такое отождествление — значило бы утверждать, что штат цирка возглавлял политическую борьбу вокруг зрелищ. Поэтому мы не можем согласиться с мнением автора, что штат цирка состоял из 8 тыс. человек и, что он позднее, «видимо, был сокращен» (стр. 95). М. Я. Сюзюмов явно переоценивает значение мер, принятых Анастасием

<sup>1</sup> L. Bréhier. La civilisation byzantine. Paris, 1950, p. 95.

(и позднее Юстинианом) против плясунов, считая, что это «означало сокращение влияния верхушки цирковых партий на люмпен-пролетарские массы». Автор именно в этом видит причины поражения Маврикия и победы Фоки (стр. 95).

М. Я. Сюзюмов, опять-таки совершенно необоснованно, видит в рядовых прасинах и венетах только люмпен-пролетариат. Мы склонны думать, что привлеченные в 602 г. на защиту стен 900 венетов и 1500 прасинов были представители верхушек партий, имевших право носить оружие и занесенных в особые списки — хартии<sup>1</sup>. Вряд ли мы можем себе представить, что имелись постоянные вооруженные отряды люмпен-пролетариев. Падение Маврикия нужно рассматривать не столько как следствие того, что его не поддержали широкие «люмпен-пролетарские массы», сколько как результат недовольства политикой Маврикия как народных масс города, так и большей части господствующего класса и армии. Поддержка люмпен-пролетариата не спасла бы Маврикия. Говорить о том, что все зависело от люмпен-пролетариата, значит не видеть всей глубины и остроты кризиса начала VII в., кризиса, приведшего к краху рабовладельческой империи, к превращению Восточно-Римской империи в средневековое, феодальное государство.

Автор несколько переоценивает связь слова *δημος* с цирком (стр. 96), неправильно считая, что «в официальных документах обращение «к народу» связано с той частью населения, которая имела некоторое отношение к цирку» (стр. 96).

В работе М. Я. Сюзюмова недостаточно подчеркиваются сепаратистские тенденции провинций, которые, по его мнению, были только отражением борьбы куриалов за сохранение самоуправления города, против усиления центральной власти. Новая зарождавшаяся местная верхушка также вела борьбу против усиления центральной власти в провинциях.

Нельзя не отметить и ряд небрежных формулировок автора. Вряд ли целесообразно вместо слова «город» употреблять слово «город-эмпорий». Как известно, Маркс в работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», употреблял этот термин для обозначения городов, бывших не столько ремесленными, сколько купеческими, торговыми центрами. Поэтому применение термина «город-эмпорий» по отношению к крупнейшим городам Восточно-Римской империи IV в. является весьма односторонним.

Автор называет партии цирка «синими» и «зелеными». Лучше говорить о «прасинах» и «венетах», так как слово «венеты» можно переводить и как «синие» и как «голубые». На стр. 86 употреблен явно неудачный термин «виды общественности». Неудачна фраза: «такие виды общественности, которые стали выполнять роль политических партий» (стр. 86). Трудно представить, чтобы в Константинополе существовали определенные, не связанные с каким-либо владением квартала, как это утверждает автор на стр. 93. Таких небрежных и неудачных формулировок в работе, к сожалению, довольно много (стр. 84, 85, 120, 124, 128—129, 133).

Явно неудачно употребление автором ряда терминов, применяемых для характеристики определенных явлений политической жизни XX в., но никак не IV—V вв.: «пропаганда», «политический актив», «лозунги», «организующий и направляющий центр», «функционеры этих партий» и т. д. Такого рода словами и выражениями пестрит работа М. Я. Сюзюмова.

<sup>1</sup> Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946, стр. 169.



Неубедительным представляется предположение автора о возможности перевода в условиях рабовладельческой формации бань, театра и цирка на хозрасчет (стр. 100). Как известно, хозрасчет является социалистическим методом планового руководства предприятием, и допускать какую-либо возможность внесения элементов социалистической организации хозяйства в хозяйство рабовладельческое не приходится.

Несомненной положительной стороной рецензируемой работы является критика ряда ошибочных положений, выдвинутых А. П. Дьяконовым, и попытка автора дать более правильное решение этих вопросов. Эта часть работы является наиболее ценной.

Из изложенного видно, что хотя в работе М. Я. Сюзюмова собран значительный фактический материал и привлечено много еще не использованных в литературе указаний источников, — целый ряд принципиальных положений, выдвинутых автором, не может быть нами принят.

*Г. Курбатов*

## **R. JANIN. CONSTANTINOPLE BYZANTIN. DÉVELOPPEMENT URBAIN ET RÉPERTOIRE TOPOGRAPHIQUE,**

**Institut français d'études byzantines, Paris, 1950  
XXVII + 483 + 15 планов-карт**

Книга Р. Жанэна является четвертым выпуском серии Archives de l'Orient Chrétien, издаваемой тем самым Французским институтом византийских исследований, критический обзор деятельности которого был сравнительно недавно дан Б. Т. Горяновым в томе IV «Византийского Временника»<sup>1</sup>.

Исследование, как видно из его заголовка, посвящено вопросам развития византийского Константинополя и его топографии. Предварительные заметки и статьи автора по отдельным вопросам топографии города печатались ранее в различных, главным образом периодических, органах. Рецензируемая книга является итогом чуть ли не 30-летней его работы.

В соответствии с подзаголовком она делится на две основные части: первая посвящена развитию города (стр. 7—282), вторая — топографии отдельных кварталов и местностей (стр. 285—472). Книге предпослано предисловие В. Лорана (I—XIII), ничем не восполняющее изложение автора; далее следует перечень источников и краткая библиография (стр. XV—XXIV). В конце имеется индекс греческих наименований и 15 планов-карт Константинополя и его окрестностей.

После краткого описания географического положения Константинополя автор в 17 главах касается следующих вопросов: развитие города — от его зарождения до времени Феодосия II (три главы), его районы, площади, памятные колонны, портики, ремесла, памятники (в одной главе), Большой дворец и другие дворцовые постройки (в трех главах), общественные здания, места зрелищ, водоснабжение, гавани и мосты, франкские колонии, городские стены (две главы).

Вторая часть подразделяется на восемь глав, рассматривающих отдельные кварталы и памятники по принципу географического расположения их в Константинополе и окружающих его местностях; в пределах каждой главы

<sup>1</sup> Б. Т. Горянов. Критический обзор журнала «Etudes byzantines» и «Revue des études byzantines» за 1943—1948 гг. ВВ, т. IV, 1951, стр. 159—171.